

Дирнабзавр, который спас мир.

12+

РАУ НОЙН

Тихая В.

Рау Нойн

Дирнабзавр, который спас мир

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Нойн Р.

Дирнабзавр, который спас мир / Р. Нойн — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Группа ученых из Сибирского НИИ обнаружила в экспедиции на плато Путорана останки древнего ископаемого животного. Исследователям удалось клонировать неизвестного науке динозавра, которого окрестили дирнабзавром. Чтобы вывести более точную копию ископаемого, в качестве суррогатных матерей пришлось использовать несколько видов современных животных. Но среди группы ученых, работавших с клонированными динозаврами, есть шпион, который постоянно "сливает" информацию о ходе работы. Дело доходит даже до похищения особей и передачи их американцам. В ходе опытов случайно удается обнаружить, что слюна дирнабзавра является панацеей от всех болезней. В результате чего удастся победить эпидемию новой болезни под названием коронавирус.

© Нойн Р., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Рау Нойн

Дирнабзавр, который спас мир

Профессор Алекс Штрейман рано утром у себя в большой светлой квартире с любопытством просматривал заголовки газет: «Прорыв тысячелетия», «Динозавры воскресли», «Динозавры на службе у науки и медицины», «Коронавирус побежден!», «Пандемию удастся затушить!»

Браслет из шариков, который находился на запястье профессора издал звук, похожий на звонок телефона. Это украшение было экспериментальной разработкой нового гаджета, который изобрел один из сотрудников профессора. Алекс нажал на один из шариков, и на столе возникла уменьшенная голографическая фигура молодого человека, одного из членов научно-исследовательской группы – Дмитрия Громова.

– Аллю. Доброе утро, профессор, – голограмма Дмитрия, размером примерно двадцать сантиметров, начала нервно шагать из стороны в сторону по кухонному столу. – Хотя может и не совсем доброе. Видели утренние заголовки? Какие-то журналоги успели раньше нас опубликовать нашу новость. Сегодня же у нас интервью для Би-Би-Си и нашего Евразийского медиа-портала. Опять кто-то сливает информацию.

– Да, профессор, – на столе рядом с Дмитрием появилась еще одна голограмма мужской фигуры.

– Здравствуйте, Дима. Здравствуйте, Нурлан, – поздоровался с собеседниками профессор. – Я думаю, что может это и не так плохо, если перед нашим интервью вышли подобные заголовки. Будем считать их пресс-релизом. Они же не всё озвучили и опубликовали о нашей работе. Только основные факты. В прессе и так время от времени мелькали подобные статьи, – профессор помолчал чуть-чуть, а затем добавил. – Окей. Я сейчас соберусь и через сорок минут буду в нашей лаборатории. Там всё и обсудим.

– Хорошо, профессор, – одновременно сказали Дима и Нурлан. – До встречи.

Профессор Штрейман был руководителем палеонтологическо-медицинской группы. Казалось, что слово профессор подразумевает седого пожилого мужчину с безумным взглядом. Но нет, профессор был довольно молод для своего звания. Симпатичный мужчина сорока двух лет и вовсе не седой. Он считал себя последователем Джека Хорнера, который в научном мире считался одним из самых известных и уважаемых палеонтологов.

Вот уже в течении двух лет Александр Штрейман возглавлял группу палеонтологов, биологов и медиков, занимавшихся изучением останков динозавров, найденных на плато Путорана, расположенным на северо-западе Среднесибирского плоскогорья.

Его группа состояла из восьми человек. Среди которых были пять мужчин и три девушки.

Группа была полностью интернациональная. Как и новое государство, которое образовалось год назад из бывших республик СНГ – Союза Независимых Государств. Теперь это были не независимые государства, а Евразийский союз, состоящий из республик. Форма правления была парламентской. В состав нового мощного государства, которого стали опасаться и уважать все крупные мировые державы вошли десять республик. От каждой республики в парламент выдвигались по двести человек. И не важно сколько населения было в республиках. Парламент Евразийского союза состоял из двух тысяч депутатов. Возглавлял парламент спикер, которого решено было переизбирать каждые два года. Место нахождения Парламента было решено дислоцировать также каждые два года, чтобы каждая из Республик могла по очереди возглавлять Союз. Тем не менее, все решения принимались общим Союзным голосованием, проходившим в онлайн формате.

Итак, группа работала над исследованием останков динозавров. В прошлом году в сибирской экспедиции удалось откопать чудом сохранившиеся останки динозавра неизвестной породы. Вся группа тряслась над тем, чтобы сохранить в целостности насквозь промерзшее странное животное: с головой как у курицы, с висячими овечьими ушами, длинной страусовой шеей, бараньей тушей, покрытой кучерявым коротким мехом и с мощным хвостом как у всех динозавров. На голове, длинной шее и хвосте шерсти не было. Ни у кого из группы не вызвало сомнения, что это и есть динозавр, только не такой, как привыкли считать все, а неизвестной породы.

Первой обнаружила во время раскопок часть хвоста динозавра биолог-палеонтолог восточная красавица Нигора, тридцати трех лет, невысокого роста, фигуристая с длинной косой. Да как обнаружила: как обычно в своей манере, Нигора опять о чем-то замечталась и продолжала осторожно скрести геологическим молотком какую-то каменисто-песчаную поверхность в расщелине. Внезапно заостренный край инструмента уткнулся во что-то твердое. Осторожно окопав верхний слой увидела, что это окаменевшая кожа какого-то животного.

– Алекс, – крикнула она тогда профессору, – подойдите сюда быстрее, я кажется что-то нашла.

Вместе с профессором к Нигоре подбежали и остальные члены: двадцатидевятилетний палеонтолог Дмитрий Громов, высокий брюнет, красивый, плечистый, спортивный, с серыми глазами; биолог Нурлан Исламов, двадцати шести лет от роду, среднего роста, коренастый шатен, с виду похожий на славянина, но по национальности казах; самый взрослый из группы сорока девятилетний техник Богдан, ростом ниже среднего, худощавый, чернявый, но уже с сединой, большими глазами и ресницами как у коровы, его также все называли «золотые руки».

– Ничего себе, – восхитился Нурлан, когда они уже откопали всю тушку, – я всегда мечтал, что когда-нибудь первым найду останки какого-нибудь диплодока или мегалозавра, или вообще, как Хорнер открою неизвестный науке вид.

– Ну вот, кажется мы и нашли неизвестный вид, – сделал заключение профессор, оглядев откопанные останки неизвестного науке животного.

– Вообще-то можно из наших всех имен составить название этого найденыша, – предложила тогда Нигора.

Бережно упаковав останки динозавра, группа привезла его в лабораторию закрытого НИИ, расположенного недалеко от одного из крупнейших сибирских городов.

Чтобы достичь нужных результатов, профессор Штрейман нашел и пригласил в группу еще четырех специалистов: тридцати двухлетнего зоолога-ветеринара Армена Арутюна, высокого, плотного брюнета с длинными волосами сзади собранными в хвост; тридцатилетнего медика-генетика эстонца Расмуса Ребане, по прозвищу «Лис», очень высокого роста почти под два метра, худого, но спортивного блондина с голубыми глазами; еще одного медика-генетика двадцатилетнюю Анастасию Кривицкую, высокую стройную длинноволосую шатенку с карими глазами; двадцатичетырехлетнюю медика-биолога Анжелу Пак, коротко стриженую блондинку среднего роста с зелеными глазами, внешне похожую на татарку или узбечку, так как она была метиска, в связи с тем, что папа у нее кореец, а мама – молдаванка.

Группа сработалась на удивление быстро и дружно. Работали не покладая рук, порой по восемнадцать часов в сутки в новой лаборатории, площадью как огромный зал пресс-конференции, который имелся в здании НИИ.

Вскоре им удалось вывести из остатков животного неповрежденный геном. Получилось добыть соматическую клетку у вымершего организма. Затем нужно было взять неоплодотворенную яйцеклетку у живущего родственника этого вида. После необходимо было из обеих клеток извлечь ядра, и ядро соматической клетки имплантировать в яйцеклетку. Для побуждения яйцеклетки к делению её надо ударить электрическим током. Затем образовавшийся эмбрион с генетической информацией вымершего вида перенести в тело суррогатной матери.

Из эмбриона разовьется организм, идентичный донору соматической клетки, то есть вымершему виду.

На почве этого между всеми членами группы возник большой спор: кого же из родственных животных можно использовать в качестве суррогатной матери? То ли крокодила, то ли страуса, а некоторые для смеха предлагали барана. Но с бараном была бы небольшая загвоздка, так он не мог нести яйца, а был живородящим.

– Поймите, – доказывал Расмус, – надо искать и пробовать. А вдруг получится? Если этот наш динозаврик, похож и на курицу, и на барашка, то возможно, бараны тоже потомки динозавров. Может много миллионов лет назад были и живородящие экземпляры.

– Слушай, Расмус, – хохотал Нурлан, – вот ты точно эстонец? Ты похож на своих родителей? Что-то в тебе мало эстонских черт характера. Ты не медлительный, как большинство твоих земляков, у тебя вот такое чувство юмора как у еврея. Например, как у профессора...

– Чем тебе моё чувство юмора не нравится? – еле сдерживая смех спрашивал профессор. – Может Лис мой сын.

– Ага, профессор, – звонко смеялась Настя. – Если только Вы его не в двенадцать лет зачали...

– Ну вообще-то с точки зрения медицины половая зрелость у мальчиков может начаться и лет в десять. Так что гипотетически Расмус может быть вашим сыном, – еле сдерживая смех, пытаясь казаться серьезной, произнесла Анжела. – Может сделаем генетический анализ? Протестируем образцы дезоксирибонуклеиновой кислоты обоих.

Группа чуть не покатывалась от смеха.

– Слушайте, народ, – повысив голос, чтобы его услышали, произнес Дима, – а как вам такое название: раданибзавр? Или дирнабзавр?

– А может баранозавр? – хохотнул снова Расмус.

Все снова хваталось за животы, так как смеяться уже не было сил.

– А что? Все буквы наших имен есть в этом названии, – перекрикивая гогот, продолжал Лис.

– Нет, вы представьте заголовки газет, – еле произнес от смеха профессор. – В две тысячи двадцатом году ученые вывели из останков динозавра новый подвид: баранозавр.

Все присутствующие в лаборатории уже чуть не лежали на полу, загигаясь от смеха.

К концу две тысячи девятнадцатого года в мире началась эпидемия новой болезни под названием COVID-19. Если верить информации, полученной из СМИ, то болезнь зародилась в китайском городе Ухань, где какой-то мужчина на базаре съел летучую мышь, которая оказалась инфицированной этим самым коронавирусом. После этого заболел человек, так и распространилась болезнь.

Впрочем, были и другие версии, и группа профессора Штреймана отчасти придерживалась той гипотезы, что возможно, штамм новой болезни был выведен искусственно американцами и затем привезен в Китай и там внедрен. Так как вирус этот создан был искусственно, то и лекарств от него нет. А организм человека еще не выработал антитела и коллективный иммунитет не образовался, чтобы быстро побороть неизвестную миру заразу.

В связи с этим чуть не оказался на грани закрытия и проект профессора Штреймана, так как власти начали всерьез опасаться, что найденные останки могут принести в мир еще новые неизведанные болезни, которые были на Земле много миллионов лет назад.

Органы государственной безопасности Евразийского союза курировавшие исследования подобных НИИ провели тогда тщательную проверку. Всем членам группы было предписано дать подробное объяснение: почему они должны продолжать свои исследования и не опасно ли это для человечества?

Профессор тогда вместе с Дмитрием и Анжелой ездили в Центр, чтобы защитить свой проект. Слава высшим силам – их не закрыли!

За несколько дней до Нового года вся группа собралась, чтобы решить животрепещущий вопрос.

– Я надеюсь, сегодня мы решим, кто же у нас будет суррогатной матерью, – уточнила, обращаясь сразу ко всем Нигора. – И не будем превращать серьезный разговор в юмористическое шоу.

Все опять улыбнулись, но смеяться никто не стал.

Алекс задумчиво оглядел всю свою группу. Он был доволен своим выбором и видел, что не ошибся, пригласив для совместной работы именно этих молодых людей.

– Алекс, – обратилась к профессору Нигора, – а давайте поступим так: сделаем несколько контрольных образцов из разных видов.

– Ну да, Ни права, – поддержала подругу Настя. – Коли наш заврик похож одновременно и на барашка, и на куру или страуса, то можно взять яйцеклетки сразу от обеих особей. Можно также получить яйцеклетку крокодила и попробовать скрестить и с этим видом. Ради эксперимента.

– Ты и курицу предлагаешь взять за образец? – удивленно переспросил, сидящий в стороне Богдан.

– Нет, дядя Богдан, – ответила Настя.

Богдан недовольно поморщился.

– Настюша, дорогая, не зови меня, пожалуйста, дядей. Просто Богдан. А то я себя сразу таким старым ощущаю.

– Хорошо, Богдан, – согласилась Настя.

– А вообще, Богдан, наверное, должен был родиться Богданой, – хохотнул Расмус. Какие-то гены у него не так сложились.

– С чего ты взял? – удивился Нурлан.

– Ты посмотри какие у него глаза и ресницы. За такие ресницы наши девушки готовы отдать душу, я так думаю, – Расмус с хитринкой оглядел присутствующих девушек.

– Действительно, это несправедливо, – широко улыбаясь сказала Анжела. – Зачем Вам такие длинные и пушистые ресницы? Я вот столько денег отдаю за такие процедуры.

– Так молодежь, – перебил всех Алекс, – не отвлекаемся. Мы должны прийти к единому мнению.

– Профессор, – Дмитрий вышел на середину помещения, – давайте поделимся на три группы. Однако, Богдан будет помогать всем сразу, так как его золотые руки никем не заменить.

– Хорошо, – согласился Алекс, – мы вместе с Анжелой и Нурланом возьмем страуса. Дима, Настя и Расмус займутся крокодилом. Нигора и Армен будут экспериментировать с овцой, и я буду помогать и им тоже. Богдан, как всегда, работает для всех.

– Отличное решение, профессор, – согласились соратники.

– Решено, сегодня после обеда отправимся в виварий и посмотрим нужные экземпляры. Правда я сомневаюсь, что у них есть овца. Двух крокодилов я видел еще месяца полтора назад. Страуса привезли недавно, он сейчас на карантине. Скоро и его переведут в SPF зону. Надо будет поискать хороший экземпляр среди овец. Армен, – обратился профессор к зоологу-ветеринару, – тебе придется выехать и поискать по животноводческим хозяйствам нужную особь.

– Слушаюсь, шеф, – мужчина, взяв под несуществующий козырек, щёлкнул каблуками своих черных лакированных туфель.

Надо сказать, что все члены группы обычно одевались всегда как им удобно: в джинсы, футболки, свитера, кроссовки или кеды. Только профессор и Армен облакались так как будто сейчас выйдут на подиум, где будут демонстрировать модели последних коллекций.

– Арменчик, – ехидно произнес Лис, – только не забудь переодеться, когда на ферму отправишься, и сапоги резиновые одеть. А то твои лакированные туфельки запачкаются.

– Не забуду, не забуду, – так же ехидно ответил ему Армен. – Хочешь и тебя с собой возьму, чтобы понюхал порошу. Вернее, бараньи шарики.

Все опять захохотали.

– Господи, как я вас всех люблю, – с нежностью произнесла Нигора, оглядев всех присутствующих. – Как я раньше жила без всех вас. Я с вечера не могу дожидаться утра, когда снова увижу всех. Мало того, что здесь у меня работа мечты, так здесь и люди, с которыми мне так комфортно и хорошо, что я уже не представляю жизни без вас всех.

– Ну Нигора, расчувствовалась чего-то ты сегодня, – великан Расмус подошел и обнял девушку, которая была ему почти по пояс. – Мы тоже тебя любим, – сказал он и поцеловал ее в макушку.

– Всё, хорош лирики, – снова прервал этот разговор Алекс. – Все за работу.

После обеда Алекс, Анжела, Настя и Расмус отправились в отдельно стоящее здание вивария, который располагался на колоссальной территории института. Виварий был предназначен для содержания лабораторных животных, которые использовались в экспериментальной работе ученых.

Зайдя сначала в «грязную зону» вивария, ученые приняли дезинфекционный душ и облачились в защитные костюмы. Это было необходимо для того, чтобы не заразить животных. Иначе, после контакта с людьми, приходящими извне, находящиеся там особи могли заболеть и стать непригодными для экспериментов.

В дальнем загоне южного сектора находились экзотические животные. Из трех крокодилчиков они выбрали молодую самочку лет шести, достигшую возраста половой зрелости.

Со страусом у них не было большого выбора: была только одна четырехлетняя птичка.

– Если с ней ничего не получится, придется ехать на страусиную ферму. Благо в Сибири, а также на юге России имеется множество подобных хозяйств, где разводят эту птичку, – проинформировал группу Алекс.

– Ой, сколько же здесь мышек и крысок, – восхитилась Настя, – они такие все хорошенькие.

– А я не люблю грызунов, – заявила Анжела, – я их воспринимаю только как подопытных животных и всё.

– Так, давайте на рабочее место, – приказал Алекс, – а я пойду к начальству. Мне надо договориться о разрешении перевести животных к нам. Еще надо выбить финансирование на реконструкцию нашей лаборатории, чтобы мы могли содержать образцы при себе.

И сразу предупреждаю, что с завтрашнего дня будет усилен санэпид режим. А с того дня как завезем животных, будем входить в нашу лабораторию так же, как и в виварий, через дезинфекцию.

Армен вместе с Нигорой доехали до ближайшего животноводческого комплекса, который находился в семидесяти километрах от института.

Спросив у работников фермы, где находится начальство, пошли сразу в здание конторы.

Директор комплекса, седой полный мужчина заинтересовался ими после того, как они показали ему свои удостоверения сотрудников НИИ.

– Я рад участвовать в развитии науки и готов пожертвовать бесплатно на этот алтарь столько животных, сколько вам нужно.

– Нет-нет. Нам не надо бесплатно, – не соглашалась Нигора, – институт Вам заплатит за всё.

– Нет, отказа я не приму. Я хочу пожертвовать.

– Ну ладно, – согласился довольный Армен, – только нужно оформить все бумаги. Мы не можем ниоткуда привезти животных.

– Конечно, мы обязательно оформим все как вам требуется.

Ученые вместе с директором подошли к большому ангару.

– Сейчас большая часть животных находится на отгоне, но и здесь вы сможете найти таких, каких вам нужно.

– Нам нужны половозрелые овечки, но желательно молодые, которые еще не случались, – сообщила Нигора.

– Хм-м, – директор задумался, – трудный вопрос. – Эй, Семен, – позвал он рядом стоящего работника, – есть у нас неспаренные овцы? Ты всех контролируешь?

– Да разве их углядишь, – захохотал Семен, – но можно поискать.

– Я помогу вам, – вызвался Армен, – даром что ли ветеринар.

– А ну тогда легче будет, – улыбнулся директор.

Армен пошел в загон вслед за Семеном, и они начали заглядывать под хвосты овцам.

Нигора не могла упустить такой момент, чтобы не заснять на камеру телефона, как щёголь Армен крутит хвосты баранам, пытаясь определить кто из них самец, а кто самка.

«Вот все обхохочутся, когда увидят эту сцену», – подумал Нигора и вдобавок еще сняла на видео сцену, как Армен бежит по загону за овечками.

После тщательного поиска Армен вместе с Семеном нашли трех молодых овечек, которых стреножили и уложили в багажник большого джипа в специально подготовленные для перевозки коробки.

– Слушай, ты так классно смотрелся в овечьем загоне, – смеясь сказала Нигора Армену, когда они уже ехали обратно в институт. – Может тебе надо было просто ветеринаром работать?

Я даже это дело засняла для истории. Сейчас пошлю в общий чат. Ты же не против?

– Нет, не против. Покажешь мне видео? – попросил Армен. – Только не за рулем, потом, когда приедем. Впрочем, я же тоже в общем чате, там и посмотрю. А по поводу работы: вообще-то я нашел себя здесь в НИИ. Мне очень интересно.

Почти за сорок минут они успели доехать до института. Подъехав к зданию вивария, Армен посигналил. Оттуда вышли двое рабочих, которые должны были забрать овец и поместить их на карантин, до тех пор, пока группа не определится, кто же из них будет выбран на роль суррогатной матери.

Когда Нигора и Армен открыли дверь лаборатории, то сначала оттуда не раздавалось ни звука. Стоило им только зайти внутрь, всё помещение наполнил громкий гогот.

– Армен, пастушок ты наш, – перекивая всеобщий хохот, обратился к нему Расмус, – тебе так идет крутить баранам хвосты. Может зря ты после ветеринарки в сюда в институт пришел?

– Благо, что хоть переобулся, а не зашел сюда в своих сапогах, в которых ты в загоне был, – смеясь произнесла Настя.

– Эй, подлюки, хватать ржать надо мной, – улыбаясь произнес Армен, – скажите спасибо, что не вам барашки достались, а то посмотрел бы я на вас, как вы все в загоне гонялись бы за ними.

– Ну всё, всё, – как всегда приостановил всеобщее веселье Алекс, – много смеетесь. Нигора, что там у вас? Нашли нужных особей? Сколько привезли?

– Нашли трех овечек. Сам директор животноводческого комплекс помогал нам. Более того, он не взял с нас оплату за животных. Говорит, что рад помочь науке.

– Вот и здорово. Наш директор института обрадуется этой новости. А то он недавно тут разорвался из-за того, что я попросил финансирование для переоборудования лаборатории.

– И что? Дадут нам деньги? – взволновалась Анжела.

– Куда они денутся, конечно дадут. Просто наш директор не любит, чтобы мы сильно расслаблялись. И он, кстати, прав. Правда у него есть одно условие...

– Какое еще условие? – спросили сразу несколько человек.

– Один из наших меценатов попросил директора взять к нам в группу его сына.

– Зачем это еще? – спросил Нурлан.

– Его отпрыск заканчивает в Англии факультет биологии и химии. Так вот он услышал, что наш институт занимается исследованием останков динозавров и вот тоже хочет участвовать в этом.

– А почему обязательно в нашу группу? Есть же при институте еще и другие исследования. Пусть туда его возьмут, – предложила Анжела.

– Нет, он поставил условием участие именно в нашей группе. А за это у нас будет неограниченное финансирование. Этот человек из первой двадчатки Forbes. Но говорят, его сын очень скромный. Хоть он и из золотой молодежи, но не испорченный. Ладно, посмотрим. Все равно он прибудет только через два месяца.

Через неделю реконструкция лаборатории была закончена. Строители также сделали специальную раздевалку и тамбур для дезинфекции, чтобы входящие в лабораторию не занесли какую-либо заразу. В помещении были оборудованы специальные отсеки для животных, в которых те могли себя вольготно чувствовать. Отныне лаборатория профессора Штреймнана была абсолютно закрытым объектом.

Еще через пару дней в лабораторию наконец доставили крокодила, страуса и овцу. Животных сразу же поместили в отведенные для каждого отсеки. Осталось дожидаться момента наступления у каждой особи, когда можно будет извлечь яйцеклетки для проведения дальнейшей работы. То есть, необходимо будет достать из каждой яйцеклетки ядро, и ядро соматической клетки добытого динозавра имплантировать в яйцеклетки крокодила, страуса и овцы.

Первым созрела яйцеклетка у крокодила. В то утро Настя как всегда сделав замеры температуры и остальные контрольные тесты, внезапно увидела, что настал долгожданный день и можно добыть из самки крокодила нужный материал.

– Дима, – крикнула она из-за стекла в загоне. – Надо подготовить операционную. Я сейчас усыплю нашу мамочку.

– Хорошо, Настя, – согласился Дмитрий, – сейчас все сделаем.

– Вот как она так управляется с крокодилом? – удивился в который раз Расмус. – Во-первых, она его не боится совсем. А во-вторых, крокодил почему-то разрешает ей делать все манипуляции с собой, словно котенок, а не смертельный хищник. Я вот в прошлый раз зашел туда в отсек, так эта крокодилиха, чуть не напала на меня.

– А ты заметил, Настя что-то шепчет ей каждый раз? А это пресмыкающееся слушает ее и смотрит ей в глаза. Кажется, что они общаются телепатическим образом. Чудо! – подытожил Дима.

В шесть часов все собрались на ежедневную вечернюю пятиминутку, чтобы подвести итоги дня.

– Так, Настя, Расмус и Дима, что там у вас с крокодилом? Удалось извлечь яйцеклетку?

– Да, профессор, – ответил Громов, – утром в девять сорок пять, нами была проведена операция по извлечению нескольких яйцеклеток из особи крокодила. Затем из полученных яйцеклеток были выделены ядра, а на их места мы имплантировали ядро соматической клетки из нашего Завра. Для побуждения к делению была проведена необходимая процедура, а

затем их поместили в питательную среду. Осталось дожидаться, пока клетки вырастут до стадии морулы-бластулы, а затем будут имплантированы в мать. Ну и останется дожидаться, пока наша крошка-кро снесет яички. Всего мы провели работу с двенадцатью клетками. Было больше, но остальные были либо сами повреждены, либо в ходе эксперименты мы повредили их. В шестнадцать сорок нами были закончены работы.

– Так, молодцы, – похвалил подопечных Алекс. – По страусу и овце пока ждем созревания.

Почти через неделю аналогичную работу провели с овцой, а спустя два дня и со страусом.

По прошествии месяца на очередной вечерней пятиминутке Алекс делал доклад для всей группы.

– Сообщаю, что нами успешно имплантированы три эмбриона в матку овцы. Также удалось имплантировать в матку страуса экспериментальные клетки и страус уже снесла яйцо, но только одно. У крокодила получилось три оплодотворенных яйца, которые возможно смогут дать потомство. Также сообщаю, что с понедельника у нас новый член группы – Юрий Иванов.

– Это который сын олигарха? – уточнил Дмитрий.

– Да, он самый. Он будет работать вместе с Нигорой и Арменом, – сообщил Алекс. – Нигора и ты Армен, введете его в курс дела.

– Хорошо, профессор, – согласились ученые.

– Всем хороших выходных, дежурные на субботу и воскресенье не забудьте получить пропуск на вахте, – напомнил Штрейман.

В понедельник в восемь двадцать утра Настя первой подошла к дверям лаборатории. Обычно все подходили с восьми тридцати до восьми пятидесяти, чтобы вовремя начать рабочий день с девяти утра. В коридоре возле двери, облокотившись о стену стоял худощавый парень лет двадцати, двадцати трех лет, чуть выше среднего роста, шатен. Он был одет в темную водолазку и серые джинсы. В общем скромный на вид молодой человек. Только у него были очки особенные: с виду простые, но Настя знала, что у этой оправы цена была заоблачная. Она такие видела в прошлом году, когда ездила на отдых за границу. В торговом зале дьюти-фри аэропорта видела подобную оправу очень известной марки.

Видя, что Настя собирается приложить руку к сканеру, чтобы открыть дверь, парень выпрямился и подошел к ней.

– Доброе утро! – улыбаясь, произнес парень. – Вы, я так понял, в лаборатории профессора Штреймана работаете?

– Да. И Вам доброе утро! – поздоровалась в ответ Настя.

– Меня зовут Юрий Иванов, – я тоже буду работать с вами у профессора. Вот мой пропуск, – парень протянул бумажку с фотографией, под которой было написано его имя: «Иванов Юрий Владиславович».

– А, да. Профессор говорил, что Вы прибудете сегодня. Только зачем так рано? Надо было часам к девяти прийти, когда профессор будет.

– Я ранняя пташка. Люблю спозаранку на рабочее место приходить.

– Хорошо, тогда давайте зайдем. Сейчас еще сетчатку глаза отсканирую. У нас тут двойная система безопасности, – сообщила Настя. – Вы же знаете над чем мы работаем?

– Только в общих чертах. Надеюсь, сегодня все узнаю.

Дверь открылась, и Настя вместе с Юрой зашли в раздевалку.

– Сейчас нужно принять дезинфекционный душ, затем облачиться в наши костюмы, – Настя показала на шкафчик, где была написана фамилия парня. – Там внутри уже есть ваш костюм, в котором Вы обязаны будете находиться в лаборатории.

– Я так понимаю, что в самой лаборатории располагается виварий?

– Нет, как таковой виварий находится за пределами здания института, но здесь у нас имеются отсеки для подопытных животных.

– О, супер, – обрадовался Юра и пошел в душ.

В девять утра, как всегда, началась рабочая пятиминутка. Все расселись за своими столами, только Юра стоял возле отсеков.

– Позвольте вам отрекомендовать нашего нового сотрудника Иванова Юрия, – начал совещание Алекс с представления нового коллеги. – Как я и говорил, он будет работать вместе с Нигорой и Арменом. Юра, твой стол и рабочий компьютер принесут до обеда. И да, ни ноутбук, ни информационные накопители выносить отсюда нельзя. Пока вместе с ребятами иди и ознакомься с ходом эксперимента. Рабочий план составишь вместе с Нигорой. Кстати, мы иногда работаем в выходные и по ночам. Праздники как таковые пока не празднуем. Даже Новый год для нас прошел как обычный день. Праздновать будем после того, как добьемся каких-либо результатов. Так что, если согласен, втягивайся в рабочий процесс, – обратился Алекс к Юре. И напоследок обратился ко всем с обычным указанием: – Все за работу.

Юра кивнул в знак согласия и почему-то покраснел.

– Пойдем с нами, – позвала Нигора Юру. – Я тебе все покажу и расскажу. Ты же видел уже нашу Долли?

– Долли? – переспросил Юра.

– Это шутит она так, – смеясь ответил Армен. – Вообще-то она Лолит.

– Лолит? – удивилась Нигора. – С каких это пор?

– С сегодняшних, – улыбаясь, заявил Армен, – а то все овца, да овца. Или особь, или экземпляр. Должно же быть у нее имя.

– Хорошо, пусть будет Лолит, – согласилась Нигора. – Ты же не против, Юра?

– Нет конечно. Почему я буду против?

– Ты не удивляйся и привыкай. Мы здесь все как одна большая семья, – Армен похлопал по плечу новичка. – А ты правда сын того Иванова из Forbeses? Больно скромный ты...

– Я вообще-то, не люблю именем отца прикрываться. Спасибо ему конечно за то, что дал возможность получить хорошее образование. И возможность попасть именно в вашу группу. Но, дальше я хочу быть просто Юрием Ивановым, а не сыном «того самого Иванова».

– Похвально, – Армен опять похлопал его по плечу. – Можешь во всем рассчитывать на нас на начальном этапе.

– Смотри, Юра, – начала Нигора. – Вот эта наша Лолит. Она сейчас на втором месяце беременности. Вынашивает нашего заврика.

– Заврика? – переспросил Юра.

– Ну ты же знаешь над чем мы работаем?

– Только в общих чертах, – ответил Иванов.

– Прошлым летом на плато Путорана мы нашли останки неизвестного доселе вида динозавра.

– Да?! – удивился Юра. – А в газетах писали, что ваш институт исследует останки динозавра, найденного то ли в Северной Америке, то ли в Таиланде. А оказывается...

– Вот так! У нас секретность на высшем уровне, – с гордостью произнесла Нигора. – Пусть думают, что хотят. Так вот, мы привезли останки найденного ископаемого сюда...

Нигора не торопясь рассказала Юре о проводимой работе.

– В итоге, наша Лолит сейчас вынашивает заврика.

– А вы уже его официально Завриком назвали? – спросил Иванов.

– Нет. Заврик – это просто рабочее название. Я думаю, что все скорее всего склонятся к названию: «Дирнабзавр». Это из букв наших имен, – сообщил Армен.

Юра стоял изумленный и ошарашенный. Не зря он так рвался сюда. Здесь творились такие дела, что для пытливого ума молодого ученого было как удобрение для плодородной почвы.

Когда в конце прошлого года он обратился с просьбой к отцу, чтобы определить его в этот сибирский НИИ, отец был удивлен. Его сын с тех пор как окончил школу, вообще ничего не просил у него.

– Ты уверен? – переспросил тогда отец. – Я могу устроить тебя в лучшие исследовательские институты мира. Хоть в Америке, хоть в Европе. Почему именно в Сибирь?

– Мои друзья из студенческого сообщества говорят, что именно Сибирский НИИ один из самых лучших в мире, и наставники научных групп отбирают себе сотрудников еще на этапе учебы или написания научных работ. А студентам, обучавшимся за границей очень сложно попасть туда, – объяснял отцу Юра. – Поэтому я прошу тебя помочь. Я понимаю, это не очень красиво, но иного пути оказаться там у меня нет.

В связи с тем, что и крокодил, и страус уже отложили свои яйца, то их решено было отправить обратно в общий виварий.

Яйца же находились в инкубаторе, каждые в своем. Так как инкубационный период созревания короче всех был у страуса, то на днях группа ожидала появления первого детеныша.

Анжела с замиранием почти каждый час бегала к инкубатору, чтобы не пропустить момент появления малыша.

– Интересно, какой он получится, – взбудоражено произнесла она, в очередной раз заглядывая через стекло внутрь кувеза и осматривая гигантское яйцо.

Постояв около минуты, Анжела внезапно начала визжать и подпрыгивать на месте.

– Что случилось? – обеспокоенный Алекс подбежал к инкубатору.

– Смотрите, смотрите! – высоким голосом пропищала девушка, – скорлупа трескается. Скоро мы увидим, кто у нас тут получился.

Вся группа столпилась позади профессора и Анжелы. Нурлан держал на штативе камеру и снимал процесс.

В течении получаса вся скорлупа покрылась трещинами. И наконец тот, кто находился внутри начал пробивать скорлупу. Прошло еще долгих пять минут и кусок скорлупы сверху отлетел в сторону.

– Ой, какой хорошенький, – умилилась Настя.

Но профессор насторожился и помрачнел.

В конце концов птенец, а это был именно птенец, полностью вылупился из яйца и ученые увидели какое-то странное существо. Размером со взрослого индюка, телом похожий на страуса, с двумя ногами, но вместо перьев была шерсть. На длинной шее странная голова с клювом, но без ушей, которые имелись на голове искомого динозавра. Хвост был вполовину длины, который должен бы быть. Существо, вылупившееся из яйца, не было шустрим, какими обычно являлись только вылупившиеся птенцы.

– Ой, кто это у нас получился? – повернувшись к профессору спросила Анжела. – Какой-то странный он.

Профессор ничего не ответил, а развернулся и пошел к своему кабинету.

– Вы чего тут начудили? – ехидно спросил Расмус у Нурлана.

– Ой, Лис, подождем еще полтора месяца и увидим, что там у вас вылупится, – ответил эстонцу казах.

К инкубатору снова подошел профессор и внимательно посмотрел на вылупившееся существо.

– Нурлан с Анжелой наблюдают за показателями и делают описание, а остальные за свою работу, – как всегда распорядился Алекс.

Примерно через полчаса Анжела закричала на всю лабораторию: «Профессор, скорее идите сюда».

Алекс в спешке вышел из кабинета и направился к инкубатору.

– Профессор, кажется жизненная активность падает, – расстроено сообщила Анжела.

Действительно, новорожденное существо выглядело вялым и сидело просто без движения. Да и дышало оно вроде через раз.

Вся группа опять столпилась возле инкубатора.

– Я полагаю, он сейчас умрет, – чуть слышно произнес Юра.

Но все услышали его и обернулись к Иванову.

– Почему ты так решил? – спросил у него Дима.

– Он прав, – подтвердил Алекс, – в ближайшее время наш первый экземпляр испустит дух. И никакие реанимационные процедуры ему не помогут.

– Профессор, но может стоит попробовать? – спросила Анжела.

– Не стоит. Во-первых, это не то, что мы хотели вывести. А во-вторых, он уже умер, – Алекс махнул рукой в сторону инкубатора, затем развернулся и пошел в свой кабинет.

Все присутствующие посмотрели на застывшую фигурку существа, а затем разочарованно стали расходиться по своим местам. Нурлан и Анжела выглядели очень расстроенными. Теперь и остальные ученые начали переживать за свои образцы, боясь, что и их подопечных настигнет та же участь.

Тем временем настал конец февраля две тысячи двадцатого года. Эпидемия новой болезни, названной COVID-19 не только не закончилась, а наоборот распространилась по всей Юго-Восточной Азии и достигла Европы. В Италии, Франции, Испании, Португалии отмечался ежедневный прирост количества заболевших. Никто не знал, как лечить от этой новой болезни. Ежечасно и ежедневно из больниц вывозили машины трупов. Люди отчаялись и боялись выходить из дома.

На территории Евразийского Союза пока удавалось сдерживать распространение болезни. Но эпидемиологи прогнозировали вспышку в марте, и государство готовилось закрыть границы по всей своей территории.

Было очень тревожно. Накануне Алекс принял нелегкое решение и сегодня утром собрался огласить его.

– В связи со сложившейся ситуацией, – с таких слов начал он ежедневную пятиминутку, – мы с вами садимся на карантин. Никто из вас отныне не выйдет за территорию НИИ. Ночевать будете в общежитии. Контакты с другими сотрудниками института запрещены. Так будет продолжаться до тех пор, пока не найдут лекарство, либо не создадут вакцину. Кто не согласен, сейчас можете написать заявление о выходе из состава группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.